

ПАРФЕНОВ М. С.

зона ужаса

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

П18

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы
иллюстрации *Александра Соломина*
Иллюстрация на обложке: *Ависс Вейльски*

Парфенов, Михаил

П18 Зона ужаса / Михаил Парфенов. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 442, [1] с. – (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-101983-9

Коллеги называют его «отцом русского хоррора». Читатели знают, прежде всего, как составителя антологий: «Самая страшная книга 2014–2017», «13 маньяков», «13 ведьм», «Темные». Сам он считает себя настоящим фанатом, даже фанатиком жанра ужасов и мистики. Кто он, Парфенов М. С.? Человек, который проведет вас по коридорам страха в царство невообразимых ночных кошмаров, в ту самую, заветную, «Зону ужаса»...

Здесь, в «Зоне ужаса», смертельно опасен каждый вздох, каждый взгляд, каждый шорох. Обычная маршрутка оказывается чудовищем из иных миров. Армия насекомых атакует жилую высотку в Митино. Маленький мальчик спешит на встречу с «не-мертвыми» друзьями. Пожилой мужчина пытается убить монстра, в которого превратилась его престарелая мать. Писатель-детективщик читает дневник маньяка. Паукообразная тварь охотится на младенцев...

Не каждый читатель сможет пройти через это. Не каждый рискнет взглянуть в лицо тому, кто является вам во сне. Вампир-графоман и дьявол-коммерсант – самые мирные обитатели этого мрачного края, который зовется не иначе, как...

© М. С. Парфенов, текст, 2017

© Ависс Вейльски, обложка, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Pro et Contra,

или

*Что говорят о творчестве Парфенова М. С.
читатели и коллеги?*

«По-хорошему завидую, я хотел бы написать нечто подобное».

Майк Гелпфин, писатель

«Просто великолепно... напоминает творчество Кинга. Это огромный плюс автору».

Wolf94, livelib.ru

«Подробности, которые не захочется узнать. Чувства, которые не захочется испытать. Читайте – на свой страх и риск».

Николай Иванов, писатель

«Быстрое и непринужденное создание атмосферы – и дальше уже не отпускает до окончания текста».

glucker, darkermagazine.ru

«Аплодирую автору, перешагнувшему через моральные принципы, чтобы сделать своего героя настоящим».

Дмитрий Лазарев, писатель

«Я иногда даже дух переводил, читая».

Naivety, livelib.ru

«Жестокий, умный, захватывающий и по-хорошему эмоциональный».

Анатолий Уманский, писатель

«От финальной фразы даже мурашки по коже по-ползли».

Бафомет1969, fantlab.ru

«Идеальный рассказ».

Дмитрий Тихонов, писатель

«Всерьез сомневаюсь в психическом здоровье автора... Мне кажется, что таких людей не следует допускать к перу».

Magik, livelib.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Парфенов М. С.— организатор,
популяризатор, литератор

Свою вступительную речь я поделил на две части. В первой я пытаюсь представить читателю автора этой книги как человека. Во второй — как литератора. Но прежде добавлю определение. Им станет имя прилагательное — одно на обе авторские ипостаси. Вот оно, это прилагательное: «незаурядный».

Итак, кто же он и о чем он пишет, незаурядный человек и незаурядный литератор с псевдонимом Парфенов М. С. и по имени Михаил Парфенов?

1. Отец русского хоррора

Этот подзаголовок — не ирония, не сарказм и даже не гипербола. Так Михаила называют коллеги, единомышленники, друзья и многие его читатели. Причем называют совершенно заслуженно.

Нисколько не ошибусь, если скажу, что сегодняшним своим успехом темный жанр отечественного производства обязан Парфенову М. С. больше, чем кому-либо другому. Более того: на мой взгляд (поверьте, это слова не из серии «кукушка хвалит петуха»), Михаил сделал для популяризации и продвижения русского хоррора больше, чем все прочие вместе взятые. Фактически мы имеем дело с феноменом: жанр, считавшийся низким, бесперспективным и коммерчески убыточным, за считанные годы расцвел, набрал силу и пожинает плоды — потому, что нашелся человек, сумевший свернуть горы.

Как же это случилось и почему? Попробую ответить на оба вопроса.

Двенадцать лет назад усилиями Парфенова М. С. было создано литературное сообщество «Тьма». Объединив многих талантливых единомышленников, оно фактически стало первым серьезным начинанием, посвященным русскому хоррору в литературе.

На тот момент жанр пребывал в плачевном состоянии, если не сказать что в зачаточном. Авторы, рискующие писать «ужастики» и «страшилки», как довольно пренебрежительно называли произведения темного жанра, за редчайшим исключением не публиковались. Печатать отечественный хоррор дружно отказывались издатели, критики его в лучшем случае просто игнорировали. А читатели вовсе не подозревали, что хоррор хотят и умеют писать не только признанные зарубежные авторитеты, но и десятки на самом деле одаренных, однако (увы!) мало кому известных соотечественников.

Литературное общество «Тьма» (LoT) действует до сих пор и продолжает развиваться. На сегодняшний день оно эволюционировало в огромного монстра с множеством щупалец-ответвлений, объединяющего сетевые (и не только!) ресурсы с общим названием «Хоррор Веб». Обзавелось десятками тысяч участников, подписчиков и фэнов. Реализует многочисленные литературные проекты, проводит промоакции, конкурсы, выпускает периодику и, наконец, участвует в издании печатных книг. Но тогда, дюжину лет назад, ничего этого нельзя было и представить. Михаил начинал русский хоррор едва ли не с нуля.

Прочитаны, отредактированы сотни текстов: рассказы, повести, романы, рецензии, критические

статьи, переводы, эксклюзивные и не эксклюзивные интервью. Издаются (и имеют успех!) межавторские антологии хоррора. О них я скажу отдельно, чуть позже, а пока попробую ответить на вопрос, почему же это все удалось осуществить.

Мы познакомились с Михаилом в 2014 году на литературном конкурсе хоррора «Чертова дюжина». К тому времени я был уже вполне сформировавшимся литератором, автором полутора сотен произведений короткой формы, считающим темный жанр чем-то вроде не стоящей внимания безделки. Собственно, я и забрел-то на конкурсную площадку, чтобы в этом лишнем раз удостовериться. Месяц спустя, когда конкурс закончился, я покинул его с твердым намерением сменить амплуа — настолько увлек, очаровал и захватил меня жанр. Произошло это в том числе и по итогам полемики с Михаилом, начавшейся с жаркой и острой перепалки, чуть ли не ругани, продолжившейся перепиской и завершившейся для меня сдачей позиций. Как этому человеку удалось убедить меня в том, что хоррор ничуть не уступает светлым жанрам, а во многом их превосходит, мне долгое время было попросту не понять. Потом я, наконец, разобрался или, по крайней мере, думаю, что разобрался.

Энциклопедичность знаний. Энтузиазм и упорство на грани подвижничества. И стопроцентная, абсолютная порядочность. Сочетание этих трех качеств сделало Михаила Парфенова — Парфенова М. С. — тем, каким мы его знаем. Лицом сегодняшнего русского хоррора, его основателем, апологетом. Человеком, сумевшим поднять неподъемное. Тем, кто дал дорогу множеству литераторов, пишущих в темном жанре. Тем, кто — не побоюсь сказать — взрастил многих из них.

Не премину заметить при всем том, что в общении Михаил — человек крайне не простой. Лично мне, по крайней мере, было весьма непросто привыкнуть к тому, что поначалу казалось излишней категоричностью суждений, даже авторитарностью и — что есть, то есть — бескомпромиссностью. Лишь спустя некоторое время я понял, что все это — качества профессионального лидера и авторитета, человека дела, умеющего увлекать за собой, убеждать и воплощать свои идеи на практике. Таких уважают, но далеко не всегда обожают.

Любопытно, что сам Михаил считает своей основной человеческой слабостью порядочность и принципиальность (называя их вкупе честностью). Я догадываюсь, что он имеет в виду некоторые неудобства, возникающие при общении с людьми, когда принцип «вань-вань» отсутствует как таковой. Но по сути согласиться с заявленной слабостью не могу. На мой взгляд, не будь Парфенов абсолютно порядочен, в том числе по отношению к самому себе, значительную часть того, что он сделал, реализовать бы не удалось. Не удалось бы сплотить литераторов и убедить в собственной правоте издателей. Сломать годами складывавшиеся стереотипы и запустить в жизнь считавшийся бесперспективным проект. Однако он сделал это, и гадкий утенок по прозвищу «русский хоррор» обернулся вдруг уверенно набирающей высоту гордой птицей.

Три года назад свет увидела составленная Михаилом первая антология русского хоррора под названием «Пазл». И сразу вслед за ней — первый том ежегодника «Самая страшная книга». К удивлению, если не изумлению скептиков и всезнаек, оба издания оказались успешными. Их раскупили — за предельно короткие сроки смели с магазинных при-

лавков, так что «ССК 2014» издателю пришлось допечатывать. Любителей и поклонников темного жанра, которые некогда пришли на сайт сообщества «Тьма» и остались, а потом стали постоянными подписчиками вебзина Darker и завсегдатаями хоррорных мероприятий, оказалось не просто много. Их оказалось очень много. Для них имена пишущих в темном жанре литераторов уже не были пустым звуком. Десятки тысяч читателей успели поверить в «своих» авторов, оценить их талант и стать целевой аудиторией проекта.

За последние три года Михаил Парфенов составил и выпустил в свет:

- четыре ежегодника серии «Самая страшная книга»;
- два первых сборника подсерии «13» — «13 ма-
ньяков» и «13 ведьм»;
- три внесерийные антологии — «Пазл», «Хелло-
уин» и «Темные»;
- авторский сборник безвременно ушедшего от
нас Владислава Женева «Запах».

Впечатляющий список, не правда ли?

На очереди новые книги серий «ССК» и «13», ждем их в 2017 году.

Ну а сейчас позвольте представить вам авторский сборник самого Парфенова М. С. — коллекцию историй, которой он дал название «Зона ужаса».

2. Автор русского хоррора

Свой первый рассказ Миша Парфенов написал в девятилетнем возрасте. С тех пор с творчеством он не расставался. На вопрос «сколько же всего написано?» ответить Парфенов М. С. не может — ранние, юношеские тексты не сохранились или были

переделаны в нечто иное, новое. Так или иначе, вошедшие в этот сборник рассказы и повести — лишь малая толика авторского литературного багажа. То, что Михаил счел на сегодня лучшим.

О чем же они, эти истории?

Прежде всего, позволю себе процитировать автора:

«...бывает такое в жизни, когда откровенно плохие, мерзкие люди неожиданно для нас с вами поступают благородно, по-доброму. Бывает, но редко. На мой взгляд, верно и обратное. И верно, быть может, в большей степени... Страшно не только, когда мы сталкиваемся с внешним злом. Еще страшнее, когда мы понимаем, насколько оно похоже на нас, близко нам...» (*Парфенов М. С., интервью для сайта «Библиотека ужасов»*).

Эта мысль проходит через все произведения сборника. В каждом из них герои, наши современники, так или иначе сталкиваются со злом. В некоторых рассказах это зло исходит от них самих («Бабай», «Мост»). Зачастую обрушивается на них извне («Гроб на колесах», «Конец пути», «Страна тараканов», «Снежки», «Тени по воде», «Что тебе снится?»). Иногда зло копится, зреет в них, сводит с ума, затягивает на свою сторону, превращает в злодеев («Благословенная тишина», «Остановка у кладбища»).

Таким образом, все вошедшие в сборник тексты в той или иной мере имеют дело со злом, с его проявлением, воздействием, с его буйством. Но не только и не столько это объединяет все эти истории. Главное в том, что эти рассказы (о паре исключений будет сказано ниже) — страшные. Парфенова М. С. смело можно назвать мастером страха, и сборник недаром называется «Зона ужаса». Мне, к приме-

ру, множество раз было отчаянно, по-настоящему страшно. И не столь важно, какие эмоции сопровождали страху — отвращение, злость, брезгливость, — заканчивая каждый рассказ, мне приходилось брать передышку, прежде чем перейти к следующему. Чтобы унять нервы.

Зачастую бывает так: читаешь написанный в темном жанре текст, а он вместо страха вызывает скептическую ухмылку. Даже текст, написанный признанным авторитетом. С рассказами Парфенова М. С. этого не случилось. Достоверность — вот что есть в каждом из них. Героям веришь, кто бы они ни были и в каких бы ситуациях ни оказались. Образы и антураж проработаны настолько глубоко и психологично, что волей-неволей читатель оказывается вовлечен в действие, он начинает ощущать себя частью его, словно находится там — внутри текста, бок о бок с попавшими в отчаянное положение персонажами. И вот уже честность, которую автор считает своим слабым местом в социальном смысле, оборачивается сильной стороной в его творчестве.

Будь то психологический триллер («Мост»), зомби-апокалипсис («Снежки»), постапок («Конец пути»), современная готика («Тени по воде»), фантастика ужасов («Страна тараканов»), едва ли не сплаттерпанк («Гроб на колесах») или сугубый реализм («Остановка у кладбища», «Что тебе снится?»), все они вызывают страх. Парфенов М. С. одинаково уверенно чувствует себя в любой теме, за которую берется, и неизменно добивается цели — вызвать страх у читателя. Со мной, по крайней мере, ему этот фокус удался в абсолютном большинстве случаев.

Особняком в сборнике стоят рассказы «Ампутация» и «Корректур», в которых автор не стремится прямо напугать читателя. Здесь он откладывает

в сторону мясницкий нож, забывает о расчлененке, каннибализме и монстрах, зато вооружается иным инструментом — черным юмором. И на этом поле Парфенов М. С. играет ничуть не менее уверенно, чем на кровавом ристалище иных своих произведений. Анекдотичный финальный финт в «Корректуре» и дерзкая, парадоксальная идея «Ампутации» запомнятся мне надолго. Оба рассказа не раз вызвали улыбку, несмотря на хоррорный антураж, а скорее, благодаря ему.

Мы живем во время, когда моду устанавливают всевозможные топы и рейтинги. Напоследок я тоже выделю четыре истории от Парфенова М. С., которые оставили у меня наиболее яркие впечатления. Отдаю себе отчет, что мой вкус далек от идеала и сплошь и рядом не совпадет с предпочтениями других читателей. Но тем не менее отдам дань своим фаворитам и буду рад узнать, попал ли в резонанс с вашим мнением, если кто-либо сочтет нужным им со мной поделиться.

Итак, вот они, мои любимцы, те, что проняли до самого нутра: «Гроб на колесах», «Мост», «Снежки» и «Что тебе снится?».

В каждом из них есть нечто очень и очень самобытное, глубокое, бьющее под ложечку, под дых. В каждом это нечто свое, особенное. И вместе с тем общее для них всех — плод писательского мастерства, ноу-хау незаурядного литератора.

На этом я заканчиваю. И, знаете, немного завидую вам — тем, у кого то, что я пережил при чтении этого сборника, еще впереди.

Майк Гелприн

СТРАНА ТАРАКАНОВ

1

Пешая прогулка от метро к дому, как правило, занимала у Кости Пургина минут двадцать, плюс минус. Иногда чуть больше, если надо было заскочить в «Биллу», — он испытывал слабость к тамошним мороженым чизбургерам. Дважды в месяц, после полочки и аванса, по пятницам мог заглянуть в местный паб, носивший оригинальное название «Паб», благо тот располагался буквально через дорогу от высотки, в которой Костя снимал квартиру. Так или иначе, но, даже если мутноватый, с привкусом кориандра «Хугарден» удерживал его в пивной дольше положенного, Костя все равно возвращался домой еще засветло. Самое позднее — на закате.

В этот раз дорогу ему уже освещали уличные фонари, а небо покрыла беззвездная ночная тьма. Трудовая неделя в маленькой фирме, где Костя работал, только началась, в «Биллу» заходить надобности не было, но он все равно задержался. И на то у него имелась очень даже веская причина.

Костя переехал в столицу несколько лет назад, мечтая, конечно же, устроиться поближе к центру. Собственная, обязательно двухъярусная, квартира (квартирище!) в Москва-Сити или окрестностях — вот о чем он лелеял мечты, но пока приходилось ютиться в Митино. Не худший вариант, на самом деле, и — лучшее из того, что он мог себе позволить. Всякий, кто хоть раз бывал в Митино, не считая

местных жителей — тех, кто тут родился или жил уже долгое время, — подтвердит, что это еще не совсем *настоящая* Москва, но уже и не трущобы замкадья. В этот вечер у Кости состоялось романтическое свидание с девушкой из здешних, из тех, кто как раз считает себя полноценными москвичами. Уже третье по счету, но первое, когда Вика пригласила его к себе.

Они неплохо провели время: перекусили чуть теплой пиццей за просмотром какого-то глупого фантастического фильма на ТВ-3, запивая красным домашним вином. Бутылку, подарок кубанских однокашников, принес с собой он, пиццу заказала она. Режиссером фильма был Джим Уайнорски, и ближе к финалу Костя, смеясь, сказал Вике, что в жизни не видел такого дешевого дерьма. А та вместо ответа мягким движением скользнула к нему на руки, подставляя полуоткрытые губы для поцелуя.

Потом, после первого, немного сумбурного акта, они вышли покурить, и Костя, смущаясь, показал на свой дом — с ее балкона на двадцатом этаже весь район был как на ладони, виднелась крыша и его высоты на другом конце Митино. «Хорошо, — кивнула Вика. — В следующий раз у тебя заночуем». Из-за уха у нее выпал непослушный вьющийся локон, и сердце Кости затрепетало, как у подростка в пубертатный период. Она добавила, окинув взглядом открывавшийся с верхотуры пейзаж: «Как же все-таки здесь чертовски замечательно!»

В тот момент Костя готов был с ней согласиться, несмотря на свои мечты о Москва-Сити. Вид впечатлял. Башни панельных домов сторожили покой зеленых газонов, где, как блестящие камушки на дне фонтана, были разбросаны цветастые кругляши игровых площадок. Замечательно или нет, подумал

он тогда, но жить здесь и правда не так уж плохо. Далековато, конечно, от *настоящей* Москвы, достаточно далеко, чтобы Костя пять дней в неделю жалел об украденных подземкой часах сна и отдыха. Но зато рядом с Викой, о чем жалеть точно не приходилось. А может, ну его к черту, этот Сити?..

Он продолжал думать об этом, возвращаясь к себе, пока лениво плыл по узкому руслу Третьего переулка, то и дело черпая подошвами асфальтовый ил. Мышцы все еще сладко ныли после второго, куда более продолжительного, нежного и выматывающего приступа страсти. На губах и языке осталась тень ее поцелуев. Костю клонило в сон, отчего все вокруг выглядело чуть иначе, фантастичнее, не так, как обычно. Мысли кружили в голове, как мотыльки в сказочном мареве фонарного света. Колонны многоэтажек подпирали темный небосвод, и он сам себе казался маленьким, но весьма довольным насекомым, бессмысленно копошащимся под ногами у мрачных великанов. Этот образ, можно сказать, материализовался, когда из зарослей овсяницы на тротуар перед ним выполз таракан.

2

Ползучие твари вызывали у него отвращение с детства, так что при виде этого уродца он внутренне содрогнулся и на время забыл про Вику. Фантазия о медовой реке Третьего переулка, которую Костя успел себе насочинять, треснула и разбилась на мелкие кусочки.

Их с тараканом разделяло несколько метров, но Костя при свете стоящего впереди фонаря достаточно четко видел овальное, цвета спелой маслины, тело. Приближаясь, смог разглядеть шесть изогну-

тых ножек и пару тонких усиков. Насекомое шевелило ими, напоминая слепца, орудующего не одной, а сразу двумя тросточками. Когда Костя в очередной раз с громким шорохом загреб подошвой асфальт, таракан не бежал обратно в траву, но даже наоборот — развернулся навстречу. Чуть задрав маленькую черную голову, зашевелил усиками, словно собираясь что-то сказать.

Эй, старичок, не подскажешь, как доползти до ближайшей свалки гниющих отходов?

Должно быть, это проснулись его собственные внутренние «тараканы». До знакомства с Викторией с момента приезда было всего несколько свиданий тут, в столице, и все неудачные, так что он привык проводить вечера и ночи в одиночестве, разговаривая с самим собой. Со своими внутренними тараканами, у которых был вот этот язвительный, злобный голосок.

Слышь, дьлда деревенская? Я что, за тобой гоняться должен?

Ребристый протектор китайской кроссовки припечатал нахальное насекомое к асфальту. Костя как будто наступил на перезрелую вишню — под пяткой раздался еле слышный хруст ее невидимой косточки. Он хотел вытереть подошву о траву, но тут в кармане джинсов ожил смартфон.

Вика?.. О нет. Хриплым голосом Елена Ваенга весело сообщила ему о том, что даже Ван Гог пил абсент, а потому она не променяет зеленый цвет ни на что другое.

Костя поморщился, пока остатки его сонных мечтаний разлетались прочь, будто стайка птиц, потревоженных на стоянке. В его жизни хватало неприятных, но обязательных ритуалов: оплатить счета, вынести мусор... поболтать со своим персональным

дьяволом. Следовало позвонить ей после работы, как он делал всегда, каждый вечер. Ему следовало сделать это, чтобы не нарушать заведенный обычай, но сегодня Костя отвлекся, у него в кои-то веки *был* повод отвлечься, и — забыл.

— И что же вы себе возомнили, молодой человек?!

Она выплевывала слова визгливой квакающей скороговоркой, *и шо жа вы са-бэ ва-за-мни-ли, ма-ла-дой ча-ла-вех*. Будто имперский штурмовик, стреляющий из бластера короткими пульсирующими очередями. Ему не нравилось часами кататься в московском метро, он терпеть не мог тараканов, но больше всего Костя ненавидел этот мерзкий говор. На избавление от кубанского акцента у него ушло полгода. Но всякий раз, когда он слышал ее голос в трубке, в нем просыпались те самые внутренние тараканы и начинали нашептывать о том, что ему, сраному провинциальному ничтожеству, никогда не стать *настоящим* москвичом.

По крайней мере до тех пор, пока жива эта старая пьяница.

— Прости, мам, совсем замотался. Как белка в колесе...

— Нет, посмотрите-ка на него! — Это звучало как *са-три-ти-ка-на-ни-хо*. — Мама места себе не найдет, ждет звоночка (*зва-но-щи-ха*) от сыночка (*сы-но-щи-ха*). А он...

Костя ясно представил, как та сидит на старой кухне, с дешевым мобильником в одной руке, банкой джин-тоника в другой и — квакает, квакает, квакает. Изрыгает пульсирующие сгустки плазмы. По с трудом ворочающемуся языку среди подгнивших, коричневых от никотина зубов ползают блестящие, перемазанные ее же желчью твари наподобие той,

с которой он только что покончил. И с каждым словом, с каждым чертовым *ми-шо* валяются из разверстой могилы рта в вырез потасканного домашнего халата на массивную желеподобную грудь, шлепки отмечают встречу с клеенкой на крышке стола, с влажным чмоканьем падают в ее пойло.

Вытравить Елену Николаевну Пургину из своей жизни, как крикливый малоросский акцент, оставить прозябать в дурной компании двух старинных приятелей, джина и тоника. Забыть раз и навсегда. Не этого ли он хотел, не от назойливого ли ее внимания бежал в столицу?.. Напрасно! Мать была не из тех увядших пенсионерок, что в будни смотрят вечерние ток-шоу на Первом, а по выходным встают спозаранку, дабы позачеркивать цифры в билетах «Русского лото» и «Золотого ключа». В любой день недели, в любое время суток, трезвая или пьяная — в последние годы чаще пьяная — мать командовала. Привыкла держать на поводке кого-нибудь, на кого можно вдоволь поквакать. Прошлой осенью отчима сразил инсульт, и невидимая петля удушливой материнской «заботы» ту же прежнего затянулась на шее у Кости.

— Мам, ну правда, прости,— безуспешно пытался он оправдаться.— Завал на работе, устал...

— Уста-ал!.. О семье уже (*ужо*) и подумать некогда!.. Бессовестный... бесстыжий... весь в отца!.. Если (*ес-си*) вы, молодой человек, думаете там (*та-ма*) себе, что (*шо*) можете вот так запросто...

«Вели ей закрыть пасть и *за-пра-ста ат-ва-лить* от тебя,— шепнул внутренний голос.— Раздави погань. Слабо?! Сраная провинция! Потому и не живешь в *настоящей* Москве, а годами копошишься в дерьме у порога. Как таракан, как жалкий гребаный таракан. Ну хотя бы просто сказать «спокойной ночи»

и выключить телефон ты способен, ничтожество? Это ведь...»

— ...не так трудно-а?! Костя, ты вообще слышишь, шо мама тебе говорит?

— Да,— он замер перед пешеходной дорожкой, на перекрестке. Одинокий светофор механически мигал оранжевым глазом, как цветомузыка на самой бессмысленной в мире дискотеке.— Мам, прости, бога ради. Честное слово, нет сил... Спать хочу — умираю.

— Господи! (*хос-спа-ади-и*) — прошипел динамик телефона.— Время-то, время-то сколько (*ско-ха*)!.. А ты еще (*иш-шо, о боже, опять это «иш-шо»!*) даже не дома?!.. Да какая ж это работа, когда ночь на дворе?!

— Я уже почти дошел, мам,— вздохнул Костя (*раздави ее*), стараясь не прислушиваться к тому (*размажь чертову пьянь по асфальту*), что нашептывал мерзкий голосок.— Просто в офисе задержался на несколько часов. Пару багов нашли в новой версии софта, а на неделе уже сдавать в релиз, ну и...

— В голове твоей баги! — «Вот тут я с тобой согласен, ма, только ты сама и есть один из моих *ба-хов*».— Ни матери позвонить, ни жену завести, ни детей...

— Я работаю над этим,— прошептал он, ощущая, как покидают его последние силы: мать вытягивала из него энергию, словно пылесосом. *Вы-са-сы-ва-ла-се-со-ки*, образно *ха-ва-ря*.— Тут немного осталось, пара шагов буквально. Доброй ночи, мам. Я пойду... Завтра созвонимся, ладно?

— Да уж только попробуй не позвонить (*па-за-нить*)!.. Давай топай до хаты. Понятно?

— Да, мам. Хорошо, мам.

— Ну тогда...— Она замолчала, и Костя прямо-таки увидел, как, переводя дух, мамаша прикладывает к банке с джин-тоником. Когда Елена Николаевна

продолжила, голос у нее дрогнул и приобрел плаксивые интонации: — Спокойной ночи тебе, сыночек. Утречком брякну тебе. Ты там, это... Не обижайся на старуху-то, ладно?.. Мамка дура, но любит тебя.

— Я тоже тебя люблю,— соврал Пургин и поспешно убрал телефон.

Ему хотелось прикрыть глаза и отключиться на минутку-другую самому. Перезагрузить голову. Ночная мгла поможет остыть его бедным кипящим мозгам. Может, даже удастся вновь настроиться, поймать ту романтическую волну, которая несла его раньше, до встречи с одной тварью и разговора с другой.

Он глубоко вздохнул. Смутное, горьковатое воспоминание: воздух его детства; он был свежее и с поздней весны до первых осенних ливней наполнял дом. Мать еще не похоронила отца, еще не стала жить с чужим пришлым дядькой, чтобы затем похоронить и его. Не спивалась за закрытыми ставнями, потому что вообще не пила. А он, маленький Костик, ночи напролет, бывало, воевал в своей спаленке с жадными до крови комарами...

С визгливым ревом мимо промчалась компания байкеров, расстреляв из пробитых выхлопных труб Костины сонные видения. В свете фонарей мотоциклетные шлемы матово блестели, как хитиновый панцирь, а рулевые рукоятки напоминали тараканьи усы.

«В этом городе полно насекомых,— подумал Пургин, провожая взглядом мотоциклистов.— В этом мире, в этой стране...»

И у каж-на-хо сва-и ба-хи в ха-ла-ве.

Краем глаза заметил какое-то движение на тротуаре. Оглянулся — и обомлел.

С десятка черных тараканов окружили влажное, подсыхающее пятно посреди асфальта. Тонкие ножки

и усики беспрестанно шевелились. Как, наверное, двигались и челюсти, слишком мелкие, чтобы их можно было увидеть на таком расстоянии.

Тараканы жрали то, что осталось от их соплеменника.

Еще парочка каннибалов выглянула из овсяницы и метнулись к месту пирушки. А от основной массы вдруг отлип один («Новый вожак?..— пронеслось в голове у Кости.— У тараканов вообще есть свои вожаки?..») и, проворно перебирая всеми шестью ножками, устремился в его сторону. За смельчаком побежали второй, третий... Он не стал смотреть, насколько длинную цепочку образуют насекомые, прежде чем достигнут конца тротуара. Прежде чем доберутся *до него*. Не думая о том, как вообще могло его, взрослого мужчину, напугать *странное* поведение *сранных* тараканов, Костя развернулся и быстрым шагом, почти бегом, пересек «зебру», чтобы исчезнуть на другой стороне дороги в тени своего подъезда.

3

За дверью его накрыло запахом вареной гречки и отдающей чем-то кислым, перебродившим, сыростью. Лампочка на потолке проигрывала неравный бой тьме по углам маленького холла. В каморке у консержки было совсем уж черно, лишь слабо мерцал выпуклый кинескоп старенького «Рубина», бросая отсветы на такое же древнее и такое же квадратное лицо дежурной. Старуха жевала кашу и смотрела выступление мэра перед камерами. Звук у телевизора не было, поэтому казалось, что мэр тоже что-то молча жует. Заметив Костю, консержка выудила пальцы из тарелки и поднялась со своего дивана:

— Здра-авствуйте!

— Добрый вечер, Азатгуль,— ответил он, отдышавшись. Перед глазами все еще стояла пугающая своей нелепостью картинка: темный ручеек хитиновых панцирей, целенаправленно, *осознанно* текущий в его направлении. Щеки вспыхнули то ли от того, что к лицу прилила отхлынувшая во время пробежки кровь, то ли от запоздалого стыда. Боже! Если бы Вика видела его позорное бегство, то, вероятно, следующее свидание у них бы уже не состоялось.

— Припозднились сегодня,— губы старой кашки растянулись в фальшивой подобострастной улыбке, такой же кривой, как и ее раскосые глаза. Над верхней губой торчало несколько волосков, а по нижней стекала, набухая на подбородке мутной каплей, пережеванная гречка.— На двенадцатом у Петровых сегодня праздник. Вроде как день рождения у девочки ихней. Я вот думаю, что это уже слишком. В такое время деткам спать давно полагается, а они все шумят-гуляют, в трубу для мусора пустые бутылки бросают...

Костя понятия не имел, кто такие Петровы. Некоторых соседей, с кем пересекался в лифте, возвращаясь с работы, он мог бы узнать в лицо, но по фамилиям и кто где живет — не разбирал. Кроме Азатгуль и еще одного пенсионера, дяди Вити, который жил этажом выше. Знакомству с последним, впрочем, Костя не особо был рад: старик был вредным и грубым. Семей же с детьми в доме хватало: на выходных площадка с качелями и песочницей, насколько он мог оценить, глядя из окна своей кухни, была заполнена. Скакала ли там среди прочей ребятни девочка Петровых, его совершенно не волновало.

— Вот они там пьют, едят, мусорят, а потом у нас в доме вредители заводятся, тараканы.

— Тараканы?..— Костя невольно вздрогнул и не без труда удержал себя от того, чтобы оглянуться и посмотреть назад, на вход в подъезд, *не лезут ли ОНИ через щель под дверью.*

— Да, да! Тараканы!.. Нашар таракандар! — Старуха воодушевленно затрясла головой, с подбородка капнуло.— Гадкие тараканы. Вредные, опасные. Еду портят.

Она вытерла рот запачканной в каше ладонью, заставив его поморщиться: *Бывают люди не менее гадкие, чем «таракандары».*

— И воду еще. Таракан любит воду, особенно такой, как эти.

— Крупные такие, черные? — Костя вспомнил раздавленную тварь: та больше смахивала на жука неизвестного вида, чем на типичного прусака.

— Да, да, точно! — Консьержка закивала еще радостнее, и вареные зерна гречихи полетели в его сторону.— Лесные таракандар, дикие. Мусорщик жаловался, когда днем заезжал. Много, много таракандар.

— Так вы сами-то их не видели?

— Видала, видала, а как же! Большой таракан, зулмат какой черный!.. Еду портить будет, по дому бегать будет, нашар таракандар!

— А что, Азатгуль...— осторожно поинтересовался Костя.— Эти таракандары... они вели себя как, нормально?

— Вели как?..— Она посмотрела на него с удивлением.— Как тараканы...

— Может, мусорщики обратили внимание? Ничего такого, странноватого, про этих таракандар не рассказывали?

— Ничего такого... странно-ватного... А! Вспомнила! — Глаза старухи широко распахнулись.—

Голодные таракандар, шибко голодные!.. Такие голодные, аж пауков едят! Мусорщик шибко удивлялся. Говорит, первый раз такое видал. Говорит — так-то наоборот, пауки тараканов жрут, а тут задом наперед вышло. Голодные таракандар, шибко голодные! Всю еду портить будут. Воду портить будут. Сами не уйдут. Но я уже СЭС звонила. Правда, они если только завтра приедут, а то и в четверг. Лето, говорят, жара. Много сигналов, говорят, времени нету.

Последние слова консьержки привели его в чувство. *Вре-мя-та, вре-мя-та ско-ха!* Завтра снова метро с утра пораньше, работа. А он, вместо того чтобы распластаться по кровати, на полном серьезе слушает старческие бредни о страшно голодных тарасиках. Трясется от одной мысли про таракашек, что ползают ногами по улочкам Митино.

— Пойду я, пожалуй, Азатгуль. До свиданья,— спохватившись, он поспешил на площадку у лифтов.

— Это Петровы все! И Виктор Пальч!.. Мусорят! Из-за них вредитель завелся!..— доносилось ему вслед.

— Да-да, я понял, Азатгуль! — отмахнулся Костя.— Таракандары атакуют!

4

В квартире было темно и душно. Хозяева денег на кондиционер пожалели, а окна Костя не открывал. Еще подростком привык держать ставни закрытыми, чтобы не получить от матери *на-ха-няй*. В детстве, впрочем, комарам окна не были помехой, а однажды он у себя в спальне обнаружил огромного сверчка. Здесь, в Москве, в Митино, подобных проблем он не испытывал — как-никак седьмой этаж. Но привычка осталась. Костя вывалил ключи и теле-

фон на тумбочку в прихожей, скинул обувь и одежду. Прошел в одних трусах в уборную, помочился. Душ успел принять у Вики (и даже пожалел тогда, что та не пожелала составить ему компанию), так что просто сполоснул руки над раковиной и смыл пот с лица. На кухне перелил остатки воды из фильтра в кружку, одним махом осушил ее и заново наполнил приемник. Соорудив тощий сэндвич из белого хлеба и ломтика ветчины, отправился в спальню, где и поужинал в темноте, сидя на краю кровати.

Хос-спа-ди, весь-ва-ца! — квакнула где-то в подворотне сознания мать.

Мусора, мусора много будет, плохие таракандар! — вторила ей Азатгуль.

— Идите в жопу,— сказал Костя им обеим, а заодно и собственным внутренним таракандарам, быстро дожевал бутерброд и улегся.

Наверху глухо громыхнуло.

Надеюсь, это табурет свалился набок, когда Виктор Пальч повис в петле.

Для бывшего слесаря дядя Витя пил не очень много, но имел дурную привычку, чуть выпив, засыпать в ванне, оставляя при этом открытым кран. И даже не думал оплачивать ремонт. Вот уж кто настоящий вредитель, не зря от него и консьержка воет. Впрочем, эта от всех воет... Костя был уверен, что и ему от нее тоже достается. «Тридцать два уже, а ни жены, ни детей, а си-ме и па-ду-мать не-ха-да...».

Почему старики всегда мешают жить молодым? Новое поколение должно мягко сменять старое, как после выхода новой операционной системы уходят в прошлое предыдущие. Жаль, что их — Азатгуль, дядю Витю, мать и им подобных — нельзя стереть с винчестера планеты Земля.

Жаль, что их нельзя раздавить, как тараканов.

Жара и влага пропитали комнату. Простыня липла к коже. Спасаясь от духоты, он повернулся на спину, спихнув ногой одеяло. Все равно было душно. Температура?.. Могло продуть, пока шел еще разогреченный от Вики. Костя помнил, что градусник лежит на верхней полке в боковой секции шкафа, подле кровати. Рядом с баночкой шипучих «Упса» и другими таблетками, за коробкой из-под обуви, в которой он устроил склад старых носков. Отыскать среди всего этого барахла термометр казалось так же просто, как Рокки Бальбоа нокаутировать Ивана Драго в первом же раунде. Но, может, дело не в температуре? Может, он просто переутомился, не выспался, да и нервы ведь не железные.

Костя попробовал отвлечься, вспомнить сегодняшнее свидание, Вику. Ее ласки... У него с первого раза толком ничего не вышло — слишком долго вся его половая жизнь сводилась к мимолетным передегиваниям шкурки под одеялом. Так что девушке пришлось помогать. Сейчас ее помощь ему тоже не помешала бы, но перед глазами вместо блондинки с маленьким, упруго выпирающим под юбкой задом внезапно нарисовалась мать, непотребно пьяная и голая.

Свесив меж целлюлитных бедер многочисленные жировые складки, Елена Николаевна по-жабьи растеклась на столике перед кроватью, где стояли ноутбук и совмещенный с ксероксом принтер. Открывала и захлопывала гигантскую пасть, словно порываясь издать любимый всеми жабами звук, но изо рта с протяжным шелестом — *ссскыфссссск* — выскакивала бумага. Потом мать сыто рыгнула и превратилась в Азатгуль, лицо которой снежило помехами, как кинескоп старого «Рубина». Пару секунд спустя помехи исчезли, на экране, то есть

прямо на лице казашки, возник Виктор Палыч, в классических трениках и майке дающий интервью для ТВ-3. Дядя Витя с умным видом жевал гречку и рассказывал что-то про санитарно-эпидемиологическую ситуацию в Митино. И мял в мозолистой ладони бумагу для ксерокса — ту самую, которой блевала мать.

Косте было что сказать дяде Вите о соблюдении чистоты и порядка в их доме. Он хотел попросить — нет, потребовать! — чтобы тот больше не оставлял открытым кран, потому что в прошлый раз на обоях проступили темные сырые пятна, которые затем, засохнув, вздулись уродливыми пузырями. От этой сырости, а еще от жары, хотел сказать Костя, в доме могут завестись *большие черные таракандары*. Зулмат какие голодные. Еще он был готов умолять, пасть перед столиком на колени и молить, молить со слезами на глазах, только бы дядя Витя прекратил мять и царапать бумагу, потому что тихое, шелестящее *скырск-скырск* сводило с ума.

Или нет, ничего в руках у соседа не было. На самом деле бывший слесарь выполз из телевизора и, проникнув в спальню к Косте, вскарабкался на шкаф. С трудом пропихнул свое грузное тело в узкую нишу под потолком и сосредоточенно скреб отставшие от стены обои.

Скырск, скырск. *Скырск, скырск, скырск*. Пауза... *Скырск-скырск*, дядя Витя, смешно дрыгая пятками, заполз в угол и, скырск-скырск-скрылся из вида.

Надо его найти, *скырск-скырск*. Хотя он, скырск, может, скырск, и подождать, *скырск-скырск-скырск*.

Костя не хотел слушать эти мерзкие звуки и видеть мерзкого дядю Витю тоже не хотел. Это, в конце концов, *его* сон, а не чей-то еще. Стоило подумать об этом, как назойливый сосед исчез. Последний,

кого Костя увидел во сне, был его отец. Не отчим — родной. Верный напарник по играм и рыбалке, старший товарищ во всем, что касалось компьютерных прибабасов. Именно отец подарил Костю его первую игровую приставку, «Денди», а до нее древний БК, понимающий компьютерный язык «бейсик». Теперь отец лежал в сосновом гробу, покрытый саваном, как будто запорошенный снегом по плечи, и держал в сложенных на груди руках простое деревянное распятие. За изголовьем гроба стояла крышка — словно долговязый солдат в коричневой шинели, лениво прислонясь к стене, ждал приказа вступить в бой. Комната, в которой маленький Костик угадал сени родной хаты, источала холод и мрак. Сладко пахло подгнившим сеном и плесенью.

Но это же сон. Разве сны пахнут?..

Отец медленно повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

«Поди-ка сюда, сынка», — сказал отец, и его густые черные усы зашевелились
как тараканы.

...Маленький Костик робко шагнул вперед. В нем боролись два чувства: желание обнять папу и страх, что тот схватит его за плечи своими большими руками и затащит в гроб.

«Поцелуй батю в щечку», — тень пала на бледное худое лицо, глаза папы стали черными
как тараканы.

...Костик приподнялся на цыпочках, чтобы прижать губы к сухой и прохладной папиной щеке. Усы неприятно кольнули кожу.

«Сынка, *скырск-скырск*», — глухо сказал отец.

Тут Костя вспомнил, что отец уже давно мертв, и что сам он сейчас находится за многие километры

МОСТ

Старый мост по-прежнему висел над пересохшим руслом реки. Ржавые балки угрюмо выглядывали из-за чахлой растительности на берегах, и слабый солнечный свет безнадежно тонул в глубоких тенях между ними. Перекрестия стальных ферм напоминали глазки мертвецов из детского комикса. У моста было много таких глаз.

— Чертов старик,— пробормотал Савельев.— Тебя уже давно пора разобрать и захоронить по кускам на свалках.

«Я еще всех вас переживу»,— отвечал мост безмолвно.

Несколько жирных черных ворон одна за другой сорвались с насиженных мест и начали рисовать уродливые кружева в вечернем небе. Словно кто-то, укрывшись в железобетонных сочленениях, подал сигнал, громко хлопнув в ладоши.

«С возвращением»,— прокаркал мост голосами воронья.

— И тебе привет, дохлая развалина,— усмехнулся Савельев и стал подниматься по насыпи. В голове, как вороны над мостом, кружились обрывки воспоминаний.

Ее так и не нашли, ни тогда, ни после. Вот странно. Бывший сосед, с которым он, прогуливаясь возле старого дома, случайно встретился пару дней назад, рассказал Савельеву, что ее тело так и не нашли. Волосы у дяди Коли поредели и стали белыми, но

в остальном он ничуть не изменился. Ничего здесь не менялось. Время в этих краях застыло, не иначе: двадцать лет прошло, а проклятый мост все так же скалит железные зубы всем, кому только попадается на глаза... и труп до сих пор не нашли.

Он взобрался по осыпающемуся щебню наверх и встал на разбитых шпалах, чтобы отряхнуть брюки. Увидел носки своих черных туфель, которые пыль окрасила в цвет плешивой шевелюры постаревшего дяди Коли. Потянулся было в задний карман за платком, но махнул рукой: бесполезно. Шпалы, рельсы, камни и сорняк меж ними — заброшенная железно-дорожная ветка вся была серая и тусклая. От земли поднимался запах древности, пыль залетала в нос и глаза. Савельев поднял взгляд.

Мост теперь был прямо перед ним, в паре сотен шагов по шпалам. Покатые полосы боковых перекрытий уходили с двух сторон в небо, где их соединяла толстая стальная перекладина. В образуемую арку тянулась железная дорога, дальний конец тоннеля тонул в сизом тумане. По правую руку от арки из насыпи торчал почерневший остов сторожевой будки.

Родители запрещали детям гулять в этих местах. В те времена, раз в неделю или раз в месяц, дорога еще оживала, и по ней мог днем или ночью пройти, гремя колесами и вагонами, грузовой состав. Савельев помнил рассказы матери, которыми та пыталась удержать их с сестрой подальше от железной дороги и моста.

Один мальчик не слушался родителей и полез на мост, там он случайно коснулся электрического кабеля, и его убило. Одна девочка скакала по шпалам и слишком поздно заметила, когда рядом оказался поезд; девочка испугалась, споткнулась, и ее разре-

зало на две части. Ирка слушала эти страшилки, раскрыв рот, с широко распахнутыми глазами. А Паша Савельев к тому времени уже был большой, и подобные истории уже не производили на него впечатления. Даже если — он допускал — в них и была доля правды. Подумаешь, какой-то дурак хватанул десять тыщ вольт. Надо ж думать, куда руки суешь.

Мальчишки много раз бывали и на самом мосту, и рядом, курили папиросы, разводили по вечерам костры в сторожке, малевали сажей на стенах пошлые слова и картинки. И в итоге сожгли будку.

Щебень хрустел, плевал мелкой крошкой из-под ног, пока Савельев неторопливо приближался к арке и закопченному скелету справа от нее. В груди зацвела теплая сладость — тень детского восторга при виде высоких языков пламени на фоне черного неба и тающих среди звезд оранжевых искр. Господи, он и забыл, как ему нравилось смотреть на огонь!..

Арка моста становилась все ближе, конструкции ее росли на глазах. Уже можно различить полустертые трафаретные надписи «Опасно» и «Вход запрещен». Даже пацаном Савельев этих, тогда еще оранжевых, а теперь уже выцветших бледно-желтых букв не боялся. Другое дело Ирка. Когда Паша первый раз ее сюда завел, она прочитала каждое слово вслух, по слогам, и, нахмурившись, сказала брату: «Сюда низя! Низя же!»

«Можно, ведь ты со мной».

Савельев невольно глянул вниз, на правую руку. Воспоминание было таким ярким, что он на мгновение ощутил в ладони тепло ее потных от страха пальчиков.

В тот, первый, раз Ирка боялась нарушить запрет матери. Предупреждающие надписи нагоняли на

нее ужас, она трепетала перед большим старым железнодорожным мостом и стискивала руку старшего брата изо всех своих детских силенок.

«Ничего не бойся, глупая. Там интересно. Там живет тролль»,— сказал он тогда. Ирка поверила и заулыбалась.

На миг он увидел фигурку в коротком белом платье с цветочками, облако светлых кудряшек... В глазах защипало.

Торчащий из насыпи черный зуб спальной сторожки медленно, как во сне, проплыл мимо. На его округлой верхушке дремала, спрятав голову под крыло, крупная ворона. Туман клубился посреди распахнувшегося впереди коридора. Савельев шагнул внутрь, и ржавая металлическая сетка, прибитая поверх шпал, скрипнула, упруго прогибаясь под тяжестью его тела.

«Добро пожаловать домой»,— прошелестел мост. В шепоте ветра улавливалась угроза. И холодная насмешка.

Ирку так и не нашли. За двадцать лет — как такое возможно? Маленькая девочка в белом платье до сих пор прячется где-то тут вместе с громадным старым троллем, сказка про которого ей так нравилась.

Паша больше верил в запах гари и языки алого пламени, пожирающие дерево в ночи, чем в истории про рыцарей и принцесс. А вот сестренка любила слушать рассказы о драконах, царевичах и умных животных, разговаривающих как люди. Про косматого тролля, обитающего под мостом, Паша сочинил, чтобы порадовать ее. Вернее, не сочинил, а вспомнил историю из книги про викингов, которую брал в школьной библиотеке. «Переложил на новый лад», как сказали бы коллеги Савельева. Впрочем, что эти люди, жители большого города, могли

знать о сказках его родного захолустья? Ровным счетом ничего. Пропавшей два десятилетия тому назад девочке определенно было известно о троллях куда больше, чем профессорам с кафедры.

Тролля звали... Какое-то имя они для него придумали, точнее Ирка придумала, но сейчас Савельев уже не мог вспомнить.

В свое время Пашу изрядно повеселила та твердая убежденность, с какой сестрица заявила, что у чудища обязательно должно быть имя. Ему тогда казалось, что выдуманные существа — все эти болтливые волки, крылатые эльфы, скатерти-самобранки и живые избушки на курьих ножках — вполне могут обойтись и без кличек. Фантазии они и есть фантазии, пустое место. Глупо обращаться к воздуху по имени-отчеству. Но сестренка смотрела на мир иначе. У каждой куклы в доме было свое имя — Маша-Глаша-потеряша... Дворовым псам и кошкам Ирка тоже давала клички, каждому свою, а однажды Паша услышал, как сестренка обращается к росшей возле дома березе, о чем-то спрашивает дерево и гладит пятнистую кору ласково, как плечо человека. Маленькая глупышка. Возможно — Паша не хотел уточнять, — она спрашивала у березки, где их папа, когда он вернется домой.

Белесый туман обволок Савельева, лизнул влажным языком лицо. Кожа на шее покрылась мурашками.

«Странно,— подумал он, нащупывая взглядом конец уходящей вперед дороги.— В детстве мост казался меньше и короче, а сейчас стал большим и длинным. Разве не должно быть наоборот?..»

Как Алиса, напившаяся из волшебного пузырька, он будто бы рос обратно, вниз, становясь меньше с каждым шагом. Нет, конечно, на самом деле ничего

В первый раз Алена встретила этого человека (тогда она еще думала о нем как о человеке) в пятницу вечером. Традиционный аврал перед сдачей номера закончился ближе к полуночи, и она, как всегда в такие дни, последней покинула редакцию. Вышла из офиса на свежий воздух, когда ночь, пожирая город, уже сомкнула холодные челюсти над районом. За спиной с тихим шелестом сошлись зеркальные створки, впереди короткий спуск в несколько ступеней выводил на полосу тротуара и пустую стоянку. Ожидая такси, Алена закурила.

Ее нормой было три, максимум четыре сигареты в день. Но Игорек все равно хотел, чтобы она бросила. Почти все ее бывшие этого хотели. Что поделать, высокие парни с широкими плечами Алене всегда нравились больше, чем бородатые хипстеры с кафедры. Она долго терпела нытье очередного спортсмена, даже сократила норму до двух сигарет, но сегодня утром, когда Игорь обнаглел настолько, что, порывшись в сумочке, выкинул оттуда початую пачку «Ричмонда» — неприкосновенный запас! — послала его куда подальше. Тот даже не успел заявить традиционный ультиматум «выбирай — или я, или...», как дверь захлопнулась у него перед носом. Никаких «или», дорогуша.

Сейчас, вдыхая сладкий дым с привкусом вишни, Алена искренне наслаждалась этим маленьким

актом мести и от удовольствия на секунду прикрыла глаза. В этот момент ее руки коснулось нечто холодное и склизкое, и тусклый голос проскрипел прямо в ухо:

— Вы работаете в этом издании. «Влас-сть тайн». Вы опубликуете мое произведение.

«Что за дурацкий акцент?» — подумала Алена, а потом испугалась и отпрянула в сторону от незнакомца.

Вид у того, впрочем, оказался не слишком угрожающий. Мужчина с холодными влажными пальцами и странным, тягучим произношением (так могла бы разговаривать ржавая деревенская калитка, недели Всевышний ее голосом) был ниже ее ростом и уже в плечах даже в своем темном пальто — полная противоположность тем, с кем она предпочитала заводить романы. К тому же он был стар. Худое лицо с глубокими тенями на месте щек напомнило фото узников Освенцима из статьи в последнем выпуске газеты. Кожа на абсолютно голом черепе отливала в свете фонаря желтым.

— Вы... вы, вообще, кто, дедушка? — вырвалось у Алены.

Старик выглядел озадаченным. Она подумала о своей матери и о других ей подобных, с еще более высушенными мозгами, кому самое место в домах престарелых. Может, и этот из таких? Вышел прогуляться вечером, а по дороге забыл, куда и откуда идет, какой нынче год и как его зовут?

— «Влас-сть тайн», — прошипел ненормальный. — Вы работаете здес-сь?

— На сегодня уже нет. На сегодня работа закончена, дедушка, впереди два выходных. Которые я бы хотела провести дома, чего и вам желаю. Доброй ночи и... ой!

Забывтая сигарета обожгла пальцы, и Алена невольно взмахнула рукой, рискуя уронить тлеющий фильтр на сумочку или платье. Однако щуплый старикан стремительно метнулся вперед, подхватил костлявой пятерней окурок и мгновенно затушил его, сжав в маленьком бледном кулачке.

– Глаз-за. Пос-смотри мне в глаз-за.

Она подчинилась и заметила в черных зрачках изумрудные отблески. Зелень притягивала, манила за собой, на глубину.

– Ты. Напечатаеш-шь. Мой текст-ст...

С этими словами старик развернулся, словно ища, куда выбросить сигарету, но вместо этого взмахнул кожистыми крыльями, в темноте так похожими на полы пальто, и взлетел.

Разинув рот и задрав голову, Алена еще долго всматривалась в ночь. Потом запоздало потянулась к сумочке, за телефоном, запуталась в кармашках, бросила это бесполезное занятие, оглянулась по сторонам – никого. Ни-ко-го!

Божечки мои! Она только что столкнулась с чем-то, превосходившим любые бредни из читательских писем с пятнадцатой страницы (между платными объявлениями разномастных знахарей и гороскопами), встретила нечто реально «не от мира сего» – и поблизости не оказалось ни одного свидетеля!

Алена чуть не расплакалась. Ей никто не поверит! Захотелось выпить, но она предпочла выудить дрожащими пальцами из пачки еще одну сигарету и снова чиркнуть колесиком зажигалки. Черт с ним, пусть будет пятая.

Уже дома, разбирая сумочку, она обнаружила несколько неизвестно как там очутившихся тетрадных листков, исписанных мелким убористым почерком. Первая строчка служила заголовком, и эти слова

давали однозначный ответ на вопрос, кем же был ее странный ночной собеседник. Алена вспомнила тот жутковатый наказ, что летучий старик оставил ей вместе с бумагами. Разделась, легла в кровать, включила ночник и принялась за чтение...

В следующий раз незнакомец явился в ночь с понедельника на вторник. Выходные у Алены не задалась, она плохо спала, все время возвращалась мыслями к встрече со стариком. Порой ей почти удавалось убедить себя в том, что случившееся – только видение, нелепая шутка, которую сыграл с хозяйкой перенапряженный в будних трудах мозг. Увы, проклятые листочки ничуть не походили на эфемерный мираж.

Может, это просто чей-то глупый розыгрыш? Хорошо бы так!.. В понедельник Алена прихватила рукопись на работу, думая показать ее подружке-верстальщице. Но по пути, в метро, еще раз пробежалась по тексту – уже стараясь абстрагироваться от того, кто или что было автором рассказа. Работа есть работа, а Алена считала себя профи.

В итоге дальше ее рабочего стола бумага не ушли. А к вечеру Алена про них и вовсе забыла – после обеда ей пришлось разгрести электронную почту и заниматься официальным сайтом газеты. Туда требовалось перенести материалы из брошюрки «Мега Ужас», что выпускались ежемесячно в течение трех лет в качестве приложения к еженедельнику, пока около года тому назад не было решено заменить их более ходовым товаром – сборниками рецептов. Около шести на мобильный ей позвонила с югов маман, а сразу по окончании совершенно бесполезного десятиминутного разговора (жара страшная, вода в море холодная, давление скачет, а еще маман сфотографировалась с обезьянкой, но не знает, как